

Проблема русско-византийских отношений еще долго оставалась предметом горячих научных споров отдельных историков и публицистов России. Так, в 1836 г. П. Я. Чаадаев в журнале „Телескоп“ напечатал свое знаменитое „философическое письмо“, в котором причину отсталости и изолированности России он видел в том, что она взяла христианство из Византии, что она вступила „в связь с растленной Византией“. „Письма“ Чаадаева явились началом широкой идеологической борьбы 30—40-х годов, оказавшейся безусловно плодотворной для развития русской общественной и научной мысли — борьбы так называемых западников и славянофилов. Например, И. В. Киреевский противопоставлял Россию, славянство, восток Европы с греческим миром, Византией и православием Западу с христианством римско-католического толка, отравленным и извращенным рационализмом римской культуры.¹

Борьба этих течений в русской общественной и исторической мысли середины XIX столетия способствовала пробуждению интереса к изучению русско-византийских отношений. Однако научная школа русского византиноведения возникла только в 70-х годах XIX в.

Русские историки либерального направления этого периода, при всей буржуазной ограниченности их взглядов, плодотворно разрабатывали проблемы как истории России, так и истории Западной Европы (П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский). Появляются в это время крупные ученые и в области византиноведения (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков). В области исследования социально-экономической истории Византии и русско-византийских отношений наиболее видную роль сыграл В. Г. Васильевский. Являясь представителем буржуазной позитивистской историографии, владевшим в совершенстве техникой исторического исследования, он все же оставался историком-идеалистом и эклектиком. Слабость своей общей исторической концепции понимал он сам, так как сознательно уклонялся от разработки широких тем, предпочитая собирать и комментировать отдельные источники или изучать частные и узкие вопросы. Так, он занимался изучением византийских источников по истории древней Руси (житиями Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, „Запиской греческого топарха“), историей варяго-русской дружины на службе византийских императоров, событиями, связанными с крещением Руси, изучением отдельных вопросов, связанных с проблемой русско-византийских отношений в X и XII вв.

Утверждение акад. С. А. Жебелева о том, что и „теперь еще ни одна работа Васильевского не устарела, не утратила своей актуальности“, представляется нам преувеличенным.² Мы не можем согласиться с рядом положений Васильевского и, прежде всего, с его характеристикой феодализма, неприемлемой для историка-марксиста. Он трактует феодализм не как общественно-экономическую формацию, а лишь как форму политической организации общества. В. Г. Васильевский идеализирует византийскую общину, затушевывая в ней наличие противоречий, изображая византийское государство (и прежде всего императоров Македонской династии) защитниками общины. Реакционность политических взглядов Васильевского проявлялась в его осуждении классовых борб. Мы не можем, конечно, согласиться с утверждением Васильевского, что „скандинавская теория происхождения Русского

¹ Московский сборник, т. III, М., 1852, стр. 64.

² С. А. Жебелев, Русское византиноведение, его прошлое, его задача в советской науке. ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 14.